

Мила смотрела сжав оружие в руках, как Рэйн, яростно оскалась, смотрел на кадетов и Стражей, окружавших его, словно ища следующего противника. Он стоял над своим поверженным противником, которого он зверски втоптал в землю. Кажется, он испытывал удовольствие, слушая предсмертные хрипы бандита, которого он так жестоко заколол, наклонив голову, словно прислушиваясь. Он удовлетворенно закрыл глаза, на лице застыла гротескная улыбка, словно он открыл для себя что-то новое в причиненной им смерти.

Она бежала к нему на помощь, но он уже спас сам себя, так жестоко и грубо, но все же эффективно. Теперь, ей было страшно подойти к нему. Казалось, гнев им овладел. Наконец он прикончил раненного бандита, заканчивая его страдания, взял свое копье и начал отходить спиной, прежде чем обернуться. Он собирался убить и другого раненного бандита? Не было чести в убийстве противника, лежащего без сознания. Она начала идти к нему, звук застрял у нее в горле. Сможет ли она его остановить? Что если он Осквернен?

Он начал тыкать черенком копья в свой лук. Лицо Милы задергалось. Что этот идиот делает? Он пытался подцепить лук копьем, рука, которой он обычно держит щит, бессильно болталась. Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох. «Что ты делаешь, глупец. Просто подними его.» Она открыта подошла к нему, схватила лук и прижала лук к его груди. Он спотыкаясь отошел на пару шагов, чуть не упав. Она воскликнула и ринулась к нему, чтобы не дать ему упасть. «Прости, я не знала что ты так сильно ранен.»

Он усмехнулся и заговорил, «Только ткани задеты.» Теперь он бессмысленно улыбался, глаза блестели, будто он сказал, что-то остроумное. Бездарный идиот. Не осталось и следа от безжалостного, ликующего убийцы, которого она наблюдала всего мгновение назад, только рана под глазом и кровь, покрывающая его тело, напоминали о прошедшем. «По правде говоря. Я думал, я упаду в обморок, если нагнусь.»

Мила отвела его к целителям за плечи. Он шел неуверенно, все время спотыкаясь. Она оглядела его, пока они шли. Его броня была превращена в лоскутья, щит порублен на куски. На его голове не было шлема, копье и меч он все еще держал в руках, лук болтался на здоровой руке. Он был покрыт кровью, большая ее часть натекла из ужасной раны на плече. Она усадила его перед палаткой целителей. Он поблагодарил ее, как всегда вежлив, и закрыл глаза.

Она продолжила наблюдать за ним, беспокоясь за него. Целители были заняты с теми, кто пострадал серьезнее, и казалось, что с Рэйном все будет хорошо. Она моргнула и наклонилась к нему, не веря своим глазам. Рана на его лице заживала, медленно, прямо на ее глазах. Плоть затянулась, новая кожа образовывалась поверх раны. Через несколько мгновений от раны не осталось и следа, кроме размазанной крови.

Невероятно. Даже Лин не умела исцелять так быстро. Такая глубокая рана заняла бы у нее не менее пяти минут. Он вылечил ее за одну. Не удивительно, что она идеализировала его, это было впечатляюще. Мила осмотрела остальные раны, но одежда и броня прикрывали их. Он открыл глаза и с удивлением приподнял бровь, она почувствовала, как ее лицо загорелось. Она была слишком близко от него, их носы почти соприкасались.

Она подскочила, и указывая на него пальцем, воскликнула: «Какое обучение ты прошел, чтобы так быстро исцелять? Это почти невообразимо.»

Он пожал плечами и поморщился. Идиот. Пожимать плечами, когда у него плечо ранено. «Я

просто практиковался в исцелении.»

На этот раз ее бровь задергалась вместе со щекой. Этот глупец просто выводил ее из себя. Она не будет играть в эту игру. Не в этот раз. Она отвернулась, губы сжаты, нога отбивала такт. Она прислушивалась к звукам, которые он издавал, переминаясь и охая. Что он теперь делает? Она повернулась и зыркнула на него, в раздражении. Он пытался выбраться из своего жилета. И ничего у него самым смешным образом не получалось. Он цыкнула, достала свой кинжал и начала срезать с енг жилет.

«... Твоя мать заставить меня заплатить за это? Или за щит, который я сломал? Сколько они стоят?»

Она снова зыркнула на него. Да что он возомнил себе о ее маме? Что она какая-то прижимистая жмотиха, не желающая снаряжать своих Стражей? У него даже хватило наглости выглядеть раненым перед ней. Она продолжила разделяться с его жилетом, пока он не был свободен. «Как ты тренируешься в целительстве?» Незнание этого причиняло ей досаду.

«Ну, эээ, я бью что-то, пока мне самому не понадобится помощь. Не очень сильно, чтобы ничего себе не сломать, ну например, ушибы и вывихи.» Две тайны раскрылись за один раз. Вот зачем он наносил удары по доскам часами? Чтобы навредить себе? Он просто ненормальный, безумец. В следующий раз она увидит, как он будет колоть себя, глупец. Скорей всего он закончит тем, что его найдут мертвым, после попытки усилить свою шею веревкой.

Он еще раз поблагодарил ее кивком, и начал снимать с себя ткани, чтобы увидеть свою рану. Она с ужасом вздохнула. Рана была глубокой, кость была видна, но крови было не так много. Наверное он заживил поврежденные сосуды и артерии. Невероятный контроль. Он достал швейный набор из своей поясной сумки, приготовил иглу, положив ее в рот, и попытался вдеть нить. Мила выдернула ее из его рта и мгновенно вдела нить в иглу. «Ты что, не знаешь, как обратиться за помощью, идиот? Тебя даже этому мне учить?» Он начал склонивать свою голову в благодарности, и она выпалила. «Хватит качать своей головой. Ты Страж, точнее кадет. Имей гордость.»

Он несколько раз моргнул, словно сова. Этот взгляд был ей знаком. Сейчас будут вопросы. «Эээ, но я ведь не Страж?»

Ее плечи повисли от невероятности услышанного. Даже не настоящий вопрос. «Если ты не Страж, то что ты делаешь здесь, охраняя караван? Ты такой кровожадный, что не можешь дальше жить в деревне?»

Он моргнул еще раз, отклоняясь. «Кровожадный? Нет, нет, нет. Мне нравится в деревне. Я мечтаю, о том, чтобы никогда не покидать ее. Я здесь потому что, твоя мать и Токта не предоставили мне выбора. Они просто сами занялись моей тренировкой и сказали, чтобы я пришел к воротам утром. Я даже не знал, что пойду с караваном, до вечера, перед тем, как мы отправились.» Она почти смеялась. Невероятно. Она буквально не верила ему. Как будто мама и токта могли повести себя столь безответственно. Он забрал у нее иглу, чуть не кланяясь перед ней, вовремя осексись. Он отвернулся и начал зашивать рану. Он не издал ни звука, пока работал. Даже его лицо не отражало боли. Будто это даже не его рука, а просто кусок мяса.

Мама подошла, в полном снаряжении. Она поглядела на обоих. Мила пожала плечами,

неуверенная в причине, по которой ее мать смотрит на нее так пристально. Мать склонилась над Рэйном и взяла иглу, убрала наложенные им швы. Приготовила новую иглу и начала зашивать рану, на этот раз аккуратными и ровными швами. Пока она работала, она спросила: «Где твой шлем?»

«Ээ... кажется в моей палатке. Я забыл его одеть, когда ушел в дозор.» Вот идиот. Ну по крайней мере у него жалкий вид.

Ее мать не прокомментировала это. Продолжала шить рану. «Ты поднял тревогу?»

Рэйн кивнул, его голову была отвернута от плеча. Почему теперь он казался брезгливым? Он только что зашивал рану сам, без всяких проблем. Теперь он тяжело дышал, лицо покраснело. Мама закончила с его раной и спросила: «Еще какиенибудь ранения?» Он помотал головой. Он даже не взглянул на маму, и не поблагодарил. Как грубо. Мама повернулась и пошла прочь, Мила последовала за ней.

«Ты видела, как он сражался, Мила? Что думаешь?»

Мила кивнула. «Он яростен, но грубый. Он убил двоих, и вырубил третьего, прежде чем подоспела помощь. И все время скалился.» Она замолчала. «он очень странный, такой необузданный в битве, и такой тихий все остальное время. Я его не понимаю. Я почти подумала, что он стал Оскверненным во время боя.»

Ее мать кивнула. «Он тот, каким сделала его Мать. Милый ребенок, но его мытарства зажгли в нем огонь, который вырывается наружу, когда прижмет. Не беспокойся, если бы он стал оскверненным, ты бы узнала. Это было бы очевидно для всех. Я сомневаюсь, что он сдался бы, он слишком целеустремлен, упрям.» Она помолчала и сменила тему. «Бандиты подкрались. Еще бы немножко и они бы резали глотки Стражам. Он хорошо справился, что заметил их. Спас немало жизней.»

Кажется Лин была права. Мила до сих пор не была убеждена, что он «лучший», но он не был так ужасен, как ей казалось. Она снова думала о его широкой улыбке, которая обнажала его зубы, словно у животного. По спине пробежали мурашки.

Забу – маленький мохнатый поганец. Не любит, когда его гладят, кусает меня, когда я кормлю его, ему не нравится, когда его вычесывают, и выказывает протест, каждый раз когда я двигаюсь, во время езды. Худший скакун из всех. Мне следует обнимать Пафу и Сурет почаще, за то, что они такие классные. Я бросаю попытки пригладить его мех. Он прекрасно проживет и с вихром. Я беру его упряжь одной рукой, пытаюсь накинуть ее на него, но Забу только мешает этому.

«Перестань пытаться быть ему другом, глупец.» ругается на меня Сумила. Хочется, чтобы она придумала какоенибудь другое обращение ко мне. Я страшнее нее, но кажется я и вправду дурак. «Забу, выезженный боевой скакун, таким родился и воспитан. Он не хочет, чтобы ты был его другом. Он хочет, чтобы ты им управлял.» Она берет упряжь из моих рук и набрасывает ее на него. Она быстро ее застегивает, Забу зыркает на нее, но в прочем не протестует.

«Спасибо тебе Сумила за помощь. Если тебе когданибудь понадобится помощь, просто скажи, и я приложу все усилия.» Я поглаживаю Забу и он шипит на меня. Черт побери. Будь его боссом, не его другом. Почему он не может быть моим другом?

Сумлиа вздыхает, и протягивает кулак, чтобы Забу понюхал его. Он дотрагивается до него своим носом и она почесывает его ноздри. «Ты должен спросить разрешения, прежде чем гладить и дотрагиваться. Уважай его, если он отказывается. Они не игрушки, а живущие и дышащие существа.» Кажется ей многое известно о воспитании квинов, как и обо всем другом.

«Просто он сильно отличается от тех квинов, которых я встречал.» Кажется, я ною, но если быть честным, так и есть. Я хочу чтобы у меня был более покладистый русеквин. «Ему не нравится все, чтобы я не делал. Почему я ему не нравлюсь?»

«Он в тебе не уверен. Это только твоя вина. Направляй его. Когда он тебя примет, он не будет наровистым.» Сумила вскакивает ему на спину. «Пойди посиди в повозке, ты ранен.» Она уезжает верхом на Забу. Ну и ладно. Она может оставить себе этот тупой меховой мешок.

Хусольт кладет свою ладонь на мое раненное плечо и усмехается. «Это хороший совет, тебе стоит прислушаться. Он поможет тебе по жизни, и не один раз.» Он продолжает смеяться. Я не понимаю его шутки. «Слышал ты ковкой интересуешься?»

Услышав это, я оживляюсь. Мои раны заживут через несколько дней, к тому времени мы будем уже в городе. Рана на плече, оказалась самой тяжелой, рана на моем боку была спокойного синего цвета, что указывало на ее серьезность тоже. Огромный рубец чешется ужасно, и я пытался отвлекать себя, чтобы не расчесывать это место. Надо найти средство для ран, от которого не чешется так сильно. «Ну не то чтобы. Просто было любопытно, какие процессы вы используете. Если бы вы продавали мой меч, сколько бы он стоил?» Он ведет меня к повозке.

Хусольт заржал, словно осел. Раздражающий смех. «В монетах нуждаешься, парень?»

«Нет. Просто хотел знать. Я бы хотел иметь еще одно оружие или доспех, было бы полезно знать цену.» Хусольт помогает мне забраться в повозку, поднимая меня за пояс одной рукой.

«Послушай, паря. Если бы ты попытался продать этот меч, ты бы привлек ненужное внимание к себе.» На этот раз, он не улыбался. Я сказал, что не собираюсь его продавать. Он мой, подарок Баатара. «Это одухотворенное оружие. Никому об этом за пределами деревни не говори. Стоило заставить тебя оставить его в деревне.»

«Если он такой ценный, кто-то может попытаться убить меня из-за него?» Они дали мне приманку для разбойников?

«Ах, ну кончено. Мила говорила, что в твоих знаниях есть пробелы.» Хусольт вновь усмехнулся. Что смешного? «Одухотворенное оружие ценится, только если ему еще предстоит обрести владельца. Как твое, например.»

А, Мила говорила об этом. «Это что-то про вхождение в гармонию с оружием?»

«Именно. Как только ты гармонируешься с ним, оно становится твоим. Когда ты умрешь, оно превратится в обычное. До тех пор, никто не сможет ввести в него внутреннюю энергию, и если они попытаются, будут ранены. Бесхозное одухотворенное оружие, сладкая добыча для многих. К счастью, пока не попробуешь его, не узнаешь.» Он нахмурился, поглядев на меня. «Скорее, используй это время, чтобы заклеить его. Возможно, тебе удастся, прежде чем мы доберемся до города.»

Я усаживаясь рядом с Хусольтом, он приказывает лошадям трогаться. На удивление, повозка идет мягко. Я отстегиваю ножны и кладу их себе на колени, положив руки сверху. Глубокий вдох. Конские какашки. Ужасно пахнет. Так, нет, сконцентрируйся. Дыши ртом. Вдох. Выдох.

Теплое, обволакивающее ощущение возвращается. Теперь я понимаю, почему они называют «Объятия Матери». Я потратил почти всю свою внутреннюю энергию этим утром, исцеляя себя. Чувствую, как она входит в мое тело, укрепляет меня. Она даже помогает моим ранам исцеляться быстрее, я чувствую болезненное натяжение кожи над швами.

Она делает меня таким сильным, я такого не заслуживаю. Я с легкостью могу поднять шестьдесят килограмм над головой, это мой собственный вес. Ничего сверхъестественного, но я только еще тинэйджер. Я могу бежать изо всех сил в течении пяти минут, плыть под водой семь минут. Это удивительная вещь, Энергия Небес. Я пытался понять ее при помощи логики, но безуспешно. Откуда берется энергия? Каким образом она делает меня сильнее? Я довольно мускулистый, но худой и жилистый, нежели крепкий. Скорее Брюс, чем Арнольд. Я видел других, моего возраста, более мясистых, чем я, и тех, кто чуть младше тоже бывают худоватыми. Почему есть разница, когда мы все делаем одно и то же? Почему я такой низкий? У женщин тоже бывают разные типы тела. Некоторые остаются стройными и женственными, другие раздаются в стороны, все еще женственные, но с мышцами. Алсантагет худая и подтянутая, но я видел, как она поднимает Сурет, которая весит килограммов двести пятьдесят. Ничего не понимаю.

Я беру столько Небесной Энергии, сколько могу принять. Странная штука. Когда у тебя не остается Чи, Небесная Энергия наполняет тебя быстро. Но она замедляется, если у тебя много Чи. Я выяснил, что можно использовать Чи для усиления своего тела и убыстрения этого процесса. Я думал, что это работает, как диффузия. Чем выше плотность, тем медленнее процесс аккумуляции. Тадук мою теорию комментировал уклончиво, Баатар и вовсе не обратил внимания. Их не сильно-то беспокоят такие вещи. Или может они знают, и я должен сам в этом разобраться.

Когда мое тело уже не насыщается, я чувствую, как энергия наполняет мое ядро. Пока что я не могу удерживать слишком много энергии. Если я потеряю палец, займет неделю, чтобы я сам его восстановил. Тадук, сможет вернуть его в течении нескольких часов. Дело не только в количестве, но в контроле. Количество увеличиться со временем. Моя теория заключается в следующем: мое ядро увеличивается в объеме со временем, косвенно понижая плотность, увеличивая скорость накопления. Сравнивая себя с людьми моего возраста, я узнал, что мое количество Чи, просто ничтожно. Как будто у них полный бак, а я иду на испарениях. Сейчас, с этим ничего нельзя сделать, я должен свыкнуться с этим недостатком. Я могу работать только над моим контролем, чтобы более эффективно работать с тем, что имею.

Я пытаюсь практиковаться в исцелении как можно больше. Особенно теперь, когда меня ранят так часто. Возможно, исцеление во время боя мне недоступно, но пока я могу выжить в боя, со мной все будет в порядке. Вот что имеет значение. Выживание. Отдай плоть, ломай кости. Так что я бью и пинаю, пока не почувствую, что кости начинают крошиться, совсем немного, и исцеляю их. Я заметил, что становится тяжелее раздробить себе кулаки, ступни и голени. Кости стали сильнее, плотнее чем остальные, так что я принялся работать над коленями, локтями и предплечьями, но много пока не достиг. Я ловлю много взглядов нанося удары по предметам. Могу себе представить, как все шепчутся, если я буду бить головой. Или мне стоит заняться своими органами. Как это сделать?

Моя вновь собранная Чи течет вокруг моего тела, а не сидит у меня в ядре. Цель в том, чтобы направить ее в мое оружие, как будто оно часть меня. Энергия требует, чтобы я принял его, как часть себя. Я должен привязать оружие к себе, войти с ним в гармонию, сделать его своим. Меч это я, я это меч. Если то, что говорит Хусольт правда, мой меч, заветный приз. Он, впрочем, не сказал, сколько он стоит. Я все еще хочу копьё. И доспехи. Черт. Интересно, сколько стоили те кожаные доспехи? Мой разрушен, и я чувствую себя голым без него.

«Парень, пора просыпаться, уже время ужинать.» Мои глаза открываются, пока Хусольт меня тормозит. Уже почти стемнело. Я провел весь день в Состоянии Равновесия. Несколько раз моргнув, я потягиваюсь. Не чувствуется, что я весь день не двигался. Я чувствую себя замечательно, на самом деле. Я спрыгиваю с повозки и проверяю свои раны, рубец уже почти зажил, но шрам остался. Я могу с легкостью о нем позаботиться. Я смотрю на свое плечо, и с ним ничего больше не произошло. Пора снимать швы. Это должно было занять несколько дней. Неплохо я поработал сегодня. Пока мы идем, я непринужденно спрашиваю «А что на ужин?» Я довольно голоден, пропустив обед.

Хусольт заржал. «то, что ты приготовишь парень. Принимайся за дело. Я голодный человек.»

<http://tl.rulate.ru/book/591/21186>